

Глава 9

Пэй Ду протянул руку и убрал птичку, увлечённо клевавшую засахаренные ягоды, обратно в рукав, после чего спокойно произнёс:

— Входите.

Вошёл Чжоу Су в тёмно-синем чиновничьем одеянии. Лицо его было строгим, а в чертах сквозила тень усталости. Переступив порог, он первым делом исполнил ритуальный поклон, но его взгляд на миг задержался на рукаве Пэй Ду.

Шэнь Цзюцзю, успевший съесть лишь половину лакомства, принялся недовольно постукивать клювом по пальцам своего благодетеля, выражая протест против заточения в рукаве. Он и не заметил, как его длинные хвостовые перья высунулись наружу.

— Что привело вас, господин Чжоу? — спросил Пэй Ду с невозмутимым видом, жестом приглашая гостя сесть.

Чжоу Су глубоко вздохнул и заговорил прямо:

— Я прибыл по высочайшему указу расследовать дело о хищении, совершённом управляющим поместья Пэй. Сегодня, случайно увидев здесь господина Пэй, я счёл своим долгом доложить о ходе дела.

Обычно дела о растрате, совершённой управляющим, не доходили до Судебной палаты. Но в этом конкретном случае обе вовлечённые стороны были не из простых людей, и в итоге расследовать и судить его могла лишь палата.

Однако и для них это дело было головной болью.

Дом князя-защитника государства, хоть и пришёл в упадок, но за ним стояла партия князя У.

Если бы Пэй Ду отозвал иск, дело бы замаяли, но пошли бы слухи о неких тёмных финансовых связях между поместьем Пэй и партией князя У.

Если же начать тщательное расследование, то можно было наткнуться на нежелательные улики, и тогда как Судебная палата, так и сам Пэй Ду открыто навлекли бы на себя гнев могущественного князя.

Услышав знакомые детали, Шэнь Цзюцзю осторожно высунул голову из рукава, пытаясь расслышать разговор получше.

Но стоило ему выглянуть, как его взору предстали такие близкие и одновременно недостижимые засахаренные ягоды и жареные каштаны. Он невольно причмокнул клювом.

Пэй Ду, услышав звук, опустил взгляд.

Птичка смущённо спряталась обратно.

«Хорошо-хорошо, я понимаю, вы тут о делах говорите. Послушная птичка не будет мешать».

Прислонившись спиной к предплечью Пэй Ду, он сидел под тканью рукава и горько жалел, что не прихватил с собой пару каштанов.

Стало немного скучно.

Шэнь Цзюцзю поболтал лапками, несколько раз качнул головой вперёд и назад, наслаждаясь ощущением трущейся о макушку ткани.

Почесав голову, он некоторое время разглядывал скрытое одеждой предплечье Пэй Ду, а затем, ухватив клювом слои ткани под просторным верхним халатом, принялся протискиваться и пробираться всё глубже, словно отважный исследователь, открывающий новый континент.

Взгляд Пэй Ду едва заметно дрогнул. Он взял со стола завёрнутый в промасленную бумагу жареный каштан и принялся неторопливо его чистить.

— Расследованием занимается Судебная палата. Если есть свидетели и улики, господин Чжоу может вести дело по закону, нет нужды докладывать мне.

Чжоу Су на мгновение замер, а затем осторожно произнёс:

— Я понимаю, но в этом деле есть некоторые странности.

Человеческие пальцы куда проворнее птичьих лапок — каштан был очищен быстро и аккуратно.

Пэй Ду непринуждённым движением извлёк птичку, пытавшуюся зарыться в его нижние одежды, и, словно подкупая, протянул ей в рукав тёплое ядрышко.

— Какие же?

Чжоу Су, наблюдая за его действиями, на секунду отвлёкся, но тут же всё понял. Он резко сменил тему и, понизив голос, сказал:

— Управляющий сознался слишком быстро. И суммы назвал так чётко и поспешно, словно... кто-то намеренно подставил его, вручив нам в руки нож.

При дворе ходили слухи, что Его Величество недавно пожаловал драгоценную птицу-данницу господину Пэй, всегда державшемуся в стороне от придворных интриг, в знак особого расположения. Неужели...

Пэй Ду посмотрел на догадливого чиновника и мягко произнёс:

— Что ж, в таком случае господину Чжоу следует тщательно выяснить, куда на самом деле ушли эти деньги. Не допустите, чтобы на дом князя-защитника государства пала тень несправедливого обвинения.

Чжоу Су всё понял.

Смысл был ясен: неважно, получил ли дом князя эти деньги на самом деле. Если они «переведут» эту сомнительную сумму в другое место, то дело можно будет представить так, будто управляющий пытался подставить князя. Таким образом, и сам Пэй Ду не навлечёт на себя гнев его высочества.

Для дома князя-защитника это тоже было выгодно: если они действительно взяли деньги — это был знак, что пора их вернуть; если нет — своего рода плата за избавление от будущих бед.

Чжоу Су встал и поклонился:

— Да, я всё понял.

Когда он уже собирался покинуть комнату, Пэй Ду, повинуясь внезапному порыву, спросил:

— А в последнее время дом князя-защитника государства фигурировал в каких-нибудь других делах?

Чжоу Су слегка удивился, но быстро нашёл с ответом:

— Было одно дело. Полагаю, оно и вам должно быть отчасти знакомо.

— О? — Пэй Ду проявил интерес.

— Полгода назад, дело о мошенничестве на государственных экзаменах. Обвиняемым проходил наследник князя-защитника, Шэнь Синин.

Услышав это, Шэнь Цзюцзю замер. Каштан, который он с таким аппетитом уплетал, внезапно показался безвкусным.

Неважно, был ли он на самом деле Шэнь Синином, но для любого учёного мужа обвинение в мошенничестве на экзаменах было несмыслимым позором. Особенно когда он точно знал, что Шэнь Синин был невинной жертвой, козлом отпущения.

От возмущения птичка прислонилась к лежавшему рядом каштану и принялась поглаживать себя кончиком крыла по грудке.

«Спокойствие, только спокойствие. Птичка не злится. А то от злости можно и заболеть...»

— Но ведь это дело уже было расследовано, и приговор отменили?

Услышав голос Пэй Ду, Шэнь Цзюцзю встрепенулся. Его глаза загорелись.

Припав к предплечью своего благодетеля, он жадно ловил доносившиеся из-за ткани слова.

— Совершенно верно, — донёлся голос Чжоу Су. — Но накануне освобождения господин Шэнь внезапно занемог и скоропостижно скончался в темнице.

Внезапно занемог?

Пэй Ду помнил того пятнадцатилетнего гения, ставшего первым на провинциальных экзаменах.

Мошенничество на государственных экзаменах считалось тяжким преступлением, иначе бы наследника княжеского рода не бросили в темницу. Пэй Ду, разумеется, был осведомлён об этом деле.

Но, будучи главой партии «чистых чиновников», он всегда избегал всего, что связано с экзаменами, — как ради защиты интересов учёных из бедных семей, так и чтобы не быть втянутым в интриги знатных родов.

Однако он помнил, что расследование тогда провели очень быстро. Улики оказались непроверяемыми, и было доказано, что никакого мошенничества не было, а всё дело — лишь клевета провалившегося кандидата. Свидетельства и доказательства были сфабрикованы, а юный господин Шэнь стал жертвой навета. Поскольку истина восторжествовала, Пэй Ду

больше не следил за этим делом.

Пятнадцатилетний цзеюань, безусловно, был редким талантом, но чтобы заслужить пристальное внимание Пэй Ду, ему нужно было ещё доказать свою состоятельность и войти в круг его интересов.

— Произошло всё внезапно и при странных обстоятельствах, — продолжал Чжоу Су. — Судебная палата провела тщательную проверку, но не нашла никаких следов яда или насильственной смерти.

— Позже прибыли люди из семьи Шэнь и забрали тело, сообщив, что юноша с рождения был слаб здоровьем и, вероятно, не выдержал холода темницы и подхватил простуду. На том и порешили, дальнейшего расследования не проводилось.

Пэй Ду некоторое время молчал, а затем отпустил Чжоу Су взмахом руки.

После его ухода он ещё несколько мгновений просидел в задумчивости, а потом вдруг осознал, что птичка в его рукаве подозрительно притихла.

Он откинул ткань. Комочек перьев, казалось, ставший ещё круглее, держал в крыльях каштан и яростно клевал его, словно это был не орех, а злейший враг.

Шэнь Цзюцзю не умел скрывать свои чувства.

Когда ему было хорошо — он чирикал.

Когда плохо — молчал.

Сейчас же он был явно раздосадован куда сильнее, чем после проигранного спора с Суй Цзымином. Он даже не чирикал, а в его крошечных глазках горел огонь праведного гнева.

Пэй Ду почти сразу связал это с их разговором.

Но он не стал ничего говорить.

Так они и просидели в тишине почти час: один, опустив взгляд, пил чай, другой, расклевав каштаны, принялся за засахаренные ягоды.

С наступлением сумерек Шэнь Цзюцзю, сытый и успокоившийся, вытер лапки и крылья о платок и сам запрыгнул на плечо Пэй Ду.

Они не успели далеко отойти от таверны, как длиннохвостая синица на плече Пэй Ду вдруг забеспокоилась.

Птичка, всегда такая умная и рассудительная, впервые вцепилась клювом в воротник его одеяния и изо всех сил потянула в сторону лавки на противоположном углу улицы.

Поскользнувшись, она сорвалась с плеча, но мёртвой хваткой вцепилась лапками в ткань и, раскачиваясь, словно маятник, продолжала тянуть в нужном направлении.

Если бы она умела летать, то, наверное, уже пулей влетела бы внутрь.

Пэй Ду ловко подхватил сорвавшуюся птичку и строго спросил:

— Что ты увидел?

— Чив-чив-чив!

Шэнь Цзюцзю всем своим существом, кажется, даже хвостовыми перьями, указывал на лавку, умоляя Пэй Ду пойти туда.

Его воспоминания были обрывочными. И хотя он помнил, что когда-то был Шэнь Синином, это имя не вызывало в нём особого отклика.

Но сейчас, когда они вышли из таверны, и он с любопытством вертел головой, его взгляд случайно упал на ту самую лавку.

Воспоминания о том, как он, будучи Шэнь Синином, входил в неё, нахлынули внезапно и с поразительной ясностью.

Почти инстинктивно Шэнь Цзюцзю понял что-то важное и изо всех сил попытался заставить Пэй Ду войти внутрь.

Пэй Ду посмотрел на ничем не примечательную лавку на другой стороне улицы.

Он не пошёл туда сразу. Вместо этого он повернул голову и впервые посмотрел на Шэнь Цзюцзю с холодным, отстранённым любопытством.

Во взгляде не было резкости, лишь глубокая задумчивость.

Шэнь Цзюцзю посмотрел на него в ответ, и в его глазах была не привычная ласка, а отчаянная мольба.

Их взгляды встретились лишь на мгновение. Пэй Ду убрал птичку в рукав и направился через улицу.

— Лавка только открылась после привоза товара, ещё не успели прибраться. Что желаете, почтенный господин?

Хозяин, до этого занятый за прилавком, увидев посетителя, тут же отложил счётную книгу и счёты и поспешил навстречу.

Пэй Ду вежливо кивнул:

— Занимайтесь своими делами, не беспокойтесь.

— Но... — хозяин замялся, но, встретившись с лёгким взглядом Пэй Ду, тут же поспешно добавил: — Хорошо! Если что-то понадобится, только позовите!

Это была лавка деревянных изделий. На полках стояли всевозможные искусно вырезанные фигурки, а в воздухе витал тонкий аромат дерева.

Ни вывеска, ни внутреннее убранство не выдавали в ней ничего особенного.

Но именно эта лавка была одним из узловых пунктов, через которые люди Пэй Ду передавали донесения в столицу. Сведения со всех концов страны, спрятанные в деревянных фигурках или вырезанные на внутренней стороне бытовых предметов, отправлялись из столицы и возвращались обратно под видом торговых сделок.

На Западном рынке было множество лавок, но эта птичка выбрала именно эту.

Шэнь Цзюцзю, стоя на ладони Пэй Ду, вертел головой из стороны в сторону, внимательно разглядывая резные изделия на полках.

Если он хотел рассмотреть что-то поближе, то легонько хлопал Пэй Ду по руке крылом и указывал кончиком в нужном направлении.

Пэй Ду послушно следовал его указаниям.

— Чив!!! Чив-чив-чив!!!

Глаза Шэнь Цзюцзю внезапно загорелись. В порыве нетерпения он вырвался из неплотно сжатых пальцев Пэй Ду и, взмахнув крыльями, бросился к одной из полок.

Это был не столько полёт, сколько отчаянный прыжок с планированием.

Приземлившись не совсем удачно, он чуть не сорвался с края, но успел вцепиться лапками в верёвочку, на которой висела деревянная бирка. Раскачавшись, он упрямо забросил себя на нужную полку.

Пэй Ду, уже было протянувший руку, чтобы поймать его, опустил её и посмотрел на предмет, к которому птичка прижалась всем телом, ласкаясь и обнимая его.

Внимательно следивший за ними хозяин тут же с готовностью пояснил:

— У вашего господина отменный вкус, птичка! Это редкая вещь из Цзяннани, я купил её больше полугода назад у одного учёного. Сделана из дерева хуанхуали и слоновой кости, работа очень тонкая, изысканная!

Шэнь Цзюцзю распластался на счётах, некогда принадлежавших Шэнь Синину, и, раскинув крылья, умоляюще посмотрел на Пэй Ду:

— Чив-чирик~~~

Его фирменное «чив-чирик» с переливами вновь зазвучало во всей красе.

Пэй Ду, уже заплативший сегодня за птичьи капризы засахаренными ягодами и жареными каштанами, обрёл некоторую устойчивость к его чарам. Он посмотрел сначала на счёты, потом на птичку.

— Это редкая вещь из Цзяннани.

— Чив-чив, чив, — голос Шэнь Цзюцзю звучал немного виновато.

Будучи приживалкой, он мог позволить себе клянчить сладости, но заставлять Пэй Ду покупать ему счёты — это было уже слишком.

Но ему так хотелось их получить.

Шэнь Цзюцзю перекатился по счётам, всем своим видом показывая, что готов поселиться на них навсегда.

— Чииив~~~ чирииик~~~~

«Ну пожалуйста, купи птичке счёты. Только эти, и больше ничего не надо~»

— Хорошо, я куплю их, — сказал Пэй Ду.

— Чив! — Шэнь Цзюцзю тут же оживился и, вцепившись лапками в белоснежные костяшки из слоновой кости, принялся радостно подпрыгивать.

— Но взамен ты напишешь для меня учёный трактат, — совершенно спокойно, словно это было в порядке вещей, добавил Пэй Ду. — Тему я выберу сам.

Птичка на счётах тут же застыла.

Хозяин лавки с сомнением посмотрел на Пэй Ду, его взгляд выражал явное недоумение.

Казалось, он начал подозревать, что у этого знатного и богато одетого господина не всё в порядке с головой.

— ...Чив? — Шэнь Цзюцзю с трудом поднял дрожащее крылышко.

— Да, всего один, — Пэй Ду, когда дело касалось переговоров, снова превращался в человека, понимающего птичий язык.

— Один трактат в обмен на эти счёты. Я держу своё слово.

Шэнь Цзюцзю глубоко вздохнул. Представив себе объём работы, он с болью в сердце погладил крылом лежавшие под ним счёты.

«Эх, ради тебя, моя прелесть, птичка готова на всё».

Приняв решение, Шэнь Цзюцзю протянул Пэй Ду одно крылышко. Его мордочка была преисполнена решимости, словно он готовился взойти на эшафот.

Пэй Ду не сразу понял его намерения. Лишь когда птичка указала клювом на его руку, он неуверенно протянул палец и коснулся кончика крыла.

— Чив!

Соглашение было скреплено. Птичка тут же отвернулась и снова принялась обнимать и ласкать счёты.

Пэй Ду, которого использовали и бросили, с невозмутимым видом повернулся, чтобы заплатить за покупку, мысленно предвкушая будущий трактат.

Вернувшись в поместье, Пэй Ду отправился по делам, а Шэнь Цзюцзю, так и не выпустивший из лапок счёты, был доставлен во внутренний двор.

Он знал, что это счёты Шэнь Синина.

Более того, они были реликвией, оставшейся от его матери.

Поэтому он не понимал, почему Шэнь Синин, наследник княжеского рода, не знавший нужды, продал такую важную вещь.

Шэнь Цзюцзю обошёл счёты кругом, а затем запрыгнул на них и принялся лапками тщательно перебирать гладкие белые костяшки.

Щёлк.

Хм?

Лапка, давившая на костяшку, замерла. Он сдвинул её немного вниз.

Словно что-то обнаружив, Шэнь Цзюцзю перебрался на левый край счёт и начал внимательно осматривать место соединения каждой костяшки с деревянной рамой.

В отличие от обычных счёт, где всё было гладко отполировано для удобства вычислений, деревянные перекладки здесь были испещрены густой сетью насечек и точек.

На первый взгляд это выглядело как хаотичный, но по-своему красивый узор.

Но Шэнь Цзюцзю почему-то чувствовал, что этот узор ему до боли знаком.

Что-то в нём не давало ему покоя.

Повозившись немного, он, повинуясь внезапному озарению, выставил на счётах дату рождения Шэнь Синина.

Перед его глазами возникла комбинация точек и насечек.

[Не сомневайся, ты — Шэнь Синин]

Шэнь Цзюцзю замер и медленно моргнул.

В крайнем возбуждении он начал пробовать другие комбинации: дату рождения матери Шэнь Синина, дату его экзаменов, день, когда Пэй Ду спас его из воды.

[Хочешь вернуть память]

[Переспи с Пэй Ду]

А?

Что за...?!

Птичка отшатнулась, её крошечный мир содрогнулся до основания.

Не веря своим глазам, Шэнь Цзюцзю принялся скакать по столу, снова и снова перебирая костяшки в отчаянной попытке найти ещё хоть какую-то зацепку.

Спустя четверть часа, перепробовав все памятные даты, он наконец смог сложить ещё одну фразу.

[Помни, нужно спать вплотную]

— ...?

Закончив с делами, Пэй Ду вернулся во внутренний двор. Издалека он увидел комочек перьев с длинным хвостом.

Купающийся в чаше с водой комочек перьев.

<http://bllate.org/book/13669/1210572>